

В. Н. НИКИТИН

На штурм пика Ленина

В. Н. НИКИТИН

На штурм пика Ленина

1931

Никитин В. Н.

На штурм пика Ленина / В. Н. Никитин — 1931

Записки участника памирской правительственной экспедиции 1929 года

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
«КРЫША МИРА»	6
ОРГАНИЗАЦИЯ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И НОВЫХ ВОСХОЖДЕНИЙ НА ПАМИР	8
ПОСЛЕДНИЕ СБОРЫ	9
В СТРАНУ «БЕЛОГО ЗОЛОТА»	10
«НА КРЫШЕ МИРА»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

В. Никитин
НА ШТУРМ ПИКА ЛЕНИНА
ЗАПИСКИ УЧАСТНИКА
ПАМИРСКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ 1929 ГОДА

ОТ АВТОРА

Загадочная страна Памир. Когда смотришь на карту Памира, то видишь узел могучих хребтов, покрытых ледниками, но больше всего бросается в глаза множество незаполненных пустот, так называемых, «белых пятен».

Однако, из года в год научные, альпинистские, и туристские экспедиции и путешествия приносят вести о том, что расшифрованы новые неисследованные области – «белые пятна», открыты новые хребты и перевалы, ледники и реки, открыты месторождения редких минералов и полезных ископаемых. Из года в год старые географические карты Памира исправляются и к ним прибавляются карты новых районов.

Каждый год получаем мы вести с альпинистского фронта о попытках новых восхождений и о победах над недостижимыми дотоле вершинами Памира.

Вместе с тем растущее среди трудящихся массовое туристское движение испытывает большой недостаток в литературе описательного характера: о районах и условиях путешествий в малоизвестные области, о работах различного рода экспедиций и туристских путешествий, особенно это касается Памира. В то время как интерес к Памиру продолжает расти, на книжном рынке имеется всего одно-два названия литературы о Памире.

Все это заставило нас издать книгу «На штурм пика Ленина», в которой мы даем описание работы альпинистской группы Памирской правительственной экспедиции 1929 года, пытавшейся совершить восхождение на пик Ленина.

Если читатель по прочтении этой книги заинтересуется Памиром, займется его серьезным изучением и в конечном счете поедет на Памир, то наша цель будет достигнута.

В.Никитин.

Москва Июль 1930 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НА РАСШИФРОВКУ ОСТАВШИХСЯ «БЕЛЫХ ПЯТЕН» ПАМИРА

«КРЫША МИРА»

На юго-восточной окраине Советского союза, на территории Таджикской республики, близ границы с Китаем и Афганистаном, в самом центре Азии, между 37-м и 39-м градусом 30 минутами широты и 72-м и 75-м градусом 30 минутами восточной долготы от меридиана Гринвича, там, где сходятся, вернее, сплетаются высочайшие горные хребты мира или их отроги – Гималаи, Куэнь-Лунь, Гиндукуш и Тянь-Шань, находится область, называемая ПАМИРОМ, что значит в переводе на русский язык «Крыша мира».

Узел хребтов, создавший тяжелые природные условия, ограниченность и скудность естественных ресурсов, в то же время имеющий колоссальные скопления влаги в виде вечных снегов, сохранившихся здесь, вероятно, с доисторических времен, несомненно является фактором развития культуры и жизни прилегающих равнин. Снеговые гиганты дают начало горным потокам и питают множество рек; реки умелой рукой человека делятся на густую сеть арыков – оросительных каналов, а хорошая лессовая почва и знойное южное солнце делают свое дело. На фоне неприступных скал и хребтов, увенчанных белыми чалмами снега, расцветают пышные оазисы, возделывается «белое золото» – хлопок, зерновые и другие культуры.

Так родился и дает жизнь многим сотням тысяч людей Ташкентский оазис, извивающийся к югу вдоль северной ветви Тянь-Шаня и вдающийся в глубь горных громад, образуя здесь обильную, хорошо возделанную и богатую Ферганскую долину.

Но выше, в предгорьях, где на склонах гор галечные и песчаные пространства земли и резкое охлаждение атмосферы ночью не дают возможности разводить культуры субтропических стран, там ютится, строит аул из одной-двух и более мазанок или юрт кара-киргиз. Он привык к лишениям и предпочитает оседлому образу жизни – кочевой. Природа здесь уже не та, что в долине, на равнине. Здесь подчас можно встретить альпийские пастбища, еще выше подальше, в глубь собственно Памира, они теряются в галичнике, а реки принимают вид грозно ревущих потоков. Хмуро нависают над ними черные громады первозданных геологических пород, края которых, забегая за линии вечных снегов, покрыты мощными ледниками.

И вот там дальше, к югу от нарядного оазиса за Альпийским хребтом, за широкой высокогорной Алайской долиной, за отвесно поднятой стеной Заалайского хребта, – лишь за этими преградами начинается Памир.

Памир – обширная область, площадью до 6000 км², в географии до сих пор носит название Памирского плоскогорья. Это название не передает истинного характера рельефа страны. Вернее назвать Памир нагорной страной. Памир, приподнятый горообразовательными силами на среднюю высоту в 4 км над уровнем моря, представляет собой прекрасную иллюстрацию того, как зарождалась земля и как различные атмосферные агенты оказывали свое влияние на горный рельеф. На Памире, пожалуй, как нигде, можно наблюдать преобразовательную деятельность воды, ветра, солнца и холода.

Сурова природа Памирского нагорья. Попав сюда из Ферганской долины с ее знойными субтропическими климатом и растительностью, остро чувствуешь суровую мощь и угрюмую мертвенность девственной неорганической природы.

Интересно также отметить метеорологическую особенность Памира: разреженный чистый воздух, почти лишенный водяных паров легко пропускает солнечные лучи, которые

приносят летом максимальное количество из всех известных на земном шаре количеств лучистой энергии на единицу поверхности. Но если летом днем на солнце температура бывает такой, что даже «камень кричит», от жары человек может не загореть, а обгореть, то ночью тепло, полученное скалистыми почвами, столь же легко отдается в атмосферу, и температура падает до 0° и даже ниже.

Ветры, дующие извне и несущие влагу, хотя и в незначительном количестве, не пропускаются внутрь страны хребтами, окружающими нагорье. Так влага, приносимая с севера, задерживается в виде снегов Алайским и особенно Заалайским хребтом, который вследствие этого завален снегом до самых низин. Влага же, приносимая ветрами с юга, с Индийского океана, осаждается на Гиндукуше, и на долю нагорья остается лишь незначительное количество осадков. Поэтому-то климат Памира отличается суровостью и чрезвычайной сухостью. Уже это одно обусловило редкость населения на Памире.

Мало населенный жителями и бедный своими природными производительными силами, Памир является огромным водохранилищем и местом скрещения важнейших исторических караванных путей, связывающих Китай с Афганистаном и Персией, Индию с оазисом Ферганской долины, с Самаркандом и Ташкентом, что представляет большой интерес для всякого рода экспедиций и путешествий. Недаром, полвека тому назад здесь произошел короткий, но сильный бой между Британией и царской России за обладание этими путями.

Из-за неприступных горных хребтов, покрытых вечными снегами и лесниками, из-за трудности передвижения и неизвестности путей Памирское нагорье было мало посещаемо и еще по сегодняшний день имеет «белые пятна», на которых ни разу не была нога человека.

ОРГАНИЗАЦИЯ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И НОВЫХ ВОСХОЖДЕНИЙ НА ПАМИР

Московское лето вступило в свои права как будто бы совсем недавно, а жара и пыль на улице уже нестерпимы. В один из таких дней пронзительный телефонный звонок отвлек мое внимание от очередных дел в Центральном совете Общества пролетарского туризма.

«Алло, я слушаю, кто говорит?» – взял я трубку, думая, что какой-нибудь турист, разморенный жарой и чувствуя приближение давно ожидаемого декретного отпуска, хочет, чтобы Общество дало ему возможность совершить путешествие.

«Никитин, – говорит Крыленко. Надо поставить на обсуждение Центрального совета вопрос об организации новой экспедиции на Памир, в район, который совершенно не исследован, так как в прошлом году советско-германской экспедиции посетить его не удалось. Это район реки Саук-Сая. Кроме того, надо обязательно сделать восхождение на пик Ленина и на пик Гармо, высочайшие вершины Советского союза».

Вскоре после этого разговора Крыленко доложил, что им уже давно ведутся переговоры с представителем Геолкома СССР геологом Д.В. Никитиным, едущим в этот район с геологической разведкой золотоносных месторождений, и что со стороны Д.В. Никитина к нему поступил о предложение составить альпинистскую группу и в июле отправиться на Памир. Военно-Топографическое управление дало согласие на включение в экспедицию топографа и на снаряжение специальной топографической группы. Наконец, Академия наук выделила для экспедиции одного зоолога. Таким образом, цели экспедиции были predeterminedены ее составом и сводились к следующим задачам: 1) геологическое обследование золотоносных месторождений по долинам рек Танымаса, Муксу и Саук-Сая; 2) составление точной географической карты до сих пор необследованного района по реке Саук-Сай; 3) сбор представителей животного мира для Зоомузея Академии наук и 4) восхождение на пики Ленина и Гармо.

Центральный совет Общества пролетарского туризма поручил председателю общества т. Крыленко составить и снарядить альпинистскую группу для восхождения на вершины пиков Ленина и Гармо и для непосредственной практической помощи геологической и топографической группам экспедиции, так как последние не могли бы без участия альпинистов произвести свои исследования и работы. Альпинистам было также поручено поднять на пик Ленина бюст Владимира Ильича Ленина и водрузить его на высшей точке Заалайского хребта.

Так зародилась и была оформлена мысль об организации в 1929 г. новой экспедиции на Памир для окончательного расшифрования, оставшихся «белых пятен».

ПОСЛЕДНИЕ СБОРЫ

Москва. Лето в самом разгаре. Воздвиженка, № 17. Народный комиссариат. Здесь сегодня альпинистское совещание.

Собрались уже все участники альпинистской группы экспедиции. Нет только Бархаша. «Что он всегда так опаздывает?», – спрашивает Крыленко. В это время, запыхавшись, но солидной неторопливой походкой в развалку ввалился в дверь кабинета «Львович», как мы все впоследствии звали Бархаша. Теперь вся группа была в сборе.

Начальник экспедиции, заядлый альпинист с солидным альпинистским стажем – Николай Васильевич Крыленко; автор этих строк, молодой альпинист, по определению Крыленко; Л.Л. Бархаш, имеющий за собой тоже большой альпинистский опыт (он только что вернулся из военизированной массовки-похода рабочей молодежи по Кавказу); последними членами группы были два «мальца» – Стах Гонецкий и Арик Поляков. «Мальцами» их окрестил Крыленко, мастер на всякого рода прозвища и имена. «Мальцами» они были еще и потому, что старшему из них, Арику, в пути на Памир едва «стукнуло» 18 лет, а Стаху Гонецкому было только 16 лет. Но несмотря на это, Стах, альпинист «из молодых, да ранний», уже не в первый раз бывал в туристских путешествиях с Крыленко. В 1927 году он вместе с Крыленко взшел на вершину Эльбруса.

Николай Васильевич открыл совещание и информировал группу о том, что сделано по подготовке к экспедиции. Он сообщил, что геологическая группа под руководством Д.В. Никитина в составе ряда ученых геологов, глассиологов и др. уже 2 месяца находится на Памире, а топографическая группа во главе с т. Герасимовым уже, вероятно, исследует подступы к пику Гармо. Что касается восхождения на пик Ленина, то это для нас будет также легко. Немного больше затруднений доставит недоступный пик Гармо.

«Почему выдумаете, что так легко удастся это восхождение? По-моему, – говорит Бархаш, – мы, не имеющие никакой тренировки в восхождении на такие высоты, едва ли легко справимся с этими пиками».

«Пустяки, восхождение обеспечено. Геологическая группа обязалась подготовить все продовольствие, транспорт и организовать базы вплоть до высоты в 5000 м. Нам останется только приехать в Фергану, как сразу же мы это почувствуем. Достигнув ледников с пятитысячной базой с небольшим грузом, мы в два счета достигнем пика Ленина, а за ним и пика Гармо». «Ну, если так, то все обстоит благополучно».

В СТРАНУ «БЕЛОГО ЗОЛОТА»

Казанский вокзал. За четверть часа до отхода поезда человек 20 пришло проводить товарищей. Некоторые с опаской предупреждали, чтобы путешественники были осторожней среди людей и гор. Слухи о том, что басмаческие банды до сих пор еще не уничтожены и находятся на намеченных путях экспедиции, не давали покоя провожающим. Мысли о невероятных трудностях восхождения на вершину свыше 7 км заставляли многих горячее проститься и спросить себя – не в последний ли раз видимся.

Бархаш, по обыкновению, пришел, когда поезд, почти уже трогался.

Наши купе завалены альпинистским снаряжением и оружием. Разместились по двое в купе: я с Крыленко, два «мальца» вместе, а Бархаш с каким-то человеком, едущим должно быть в отпуск.

Три дня пути. Давно миновали широкую и спокойную гладь Волги. Позади остались Самара и Оренбург – последние города Европы. Мы в Азии. Изредка мелькают разъезды и станции Средне-Азиатской железной дороги. Кругом, насколько хватает глаз, раскинулась мертвая, выжженная солнцем, безбрежная киргизская степь.

Все видимое пространство покрыто песками и барханами, местами поросшими незатейливой растительностью – саксаулом и колючкой, местами же совершенно лишенными всякой растительности. Все выжжено палящим солнцем. Порывы ветра гонят песок по земле, как снег в метель, а в бурю целые тучи его несутся по воздуху, заволакивая степь и перемещая песчаные холмы – барханы с места на место. Вид этой степи вселяет какую-то тревогу, и хочется, чтобы человек поскорее заселил эти огромные пустоты, закрепил песок корнями древонасаждений, удобрил почву, создал оазисы, как например Ташкентский, Ферганский и др., и с помощью оросительной системы возделал пустыню, засеял ее культурами, ждущими солнца, особенно хлопком. Среди моря песка нет-нет да и мелькнет становище киргизов или пройдет караван верблюдов, перевозящих киргизский стан в другое место.

В дыму песка, в бреду солнечной одури поезд подошел к одному из оазисов в Дейнау.

Здесь район сплошной коллективизации и первая машинная станция. Мы идем по извилистым улочкам селения. В воздухе, как эхо далекой грозы, звучит уханье каких-то моторов. Когда мы попали на край селения, мы увидели дымку над полями – это тракторы. Они ухают и дымятся, как орудия в бою.

Хлопковый клин этого района – 9 600 га. Район имеет 66 машин. Это самая большая станция в Туркменистане. Эта станция описана Павленко в «Рабочей газете».

Еще в январе жители этого района видели трактор только на плакате, а о том, что он делает, рассказывали сказки, серьезно обсуждая, может ли он, например, доить корову или пасти овец. Одни уверяли, что машина, как пишут, все может делать, другие оспаривали, но никто толком не знал, что, собственно, она у них будет делать. В день прибытия тракторов жители всех аулов высыпали на дорогу. Они сидели толпами и ждали чудесных машин. Когда появилась тракторная колонна, все бросились в стороны, но скоро окружили машины и так шли с ними из аула в аул толпой, отрядом, процессией. На площади, где устроен был парад 66 машин, стоял рев, бесновались ослы и верблюды, плакали дети, стариков выводили под руки и они дрожащими руками ошупывали горячие тела тракторов. В этот день спокойный и сдержанный характер туркмена не выдержал и взорвался энтузиазмом. Люди здесь жили дикой и нищей жизнью. Они никогда не слышали о машине. Но вот впервые увидели ее и поняли, что начинается новая жизнь, что старому пришел конец. Туркмен не просто радовался приходу машин – нет, он был рад своей первой машине, он уважал свой первый трактор, пришедший на его поля.

Чайханэ превратились в клубы друзей машин. Молодые туркменские парни пришли проситься на тракторные курсы, и народные сказочники – бахши тогда же сочинили первые песни о железных ящерицах, которые сильнее верблюда и быстрее коня из Ахал-Теке и послушнее домашнего пса, откормленного на бараньих костях.

Впервые в этих местах пахали ночью. Небо над полями ночью горит голубым огнем. Земля, деревья, строения бледнеют и теряют свою законченность, расплываются и только тени предметов лежат черными, плотными фигурами среди блестящей голубой зыби. За селением – рокот тракторов. Чем дальше от улочек и чем ближе к полям, тем беспокойнее становится ночь; проходят с фонарем в руках монтеры, пролетает на неоседланной лошади «дежурный» мальчишка колхоза, поют за рулем шоферы, спорят дехкане, сидя на корточках. Старик захватывает легким плугом, в который впряжены осел и корова, углы пашни там, где не развернулся трактор. Женщины группами подходят с кувшинами воды, чтобы напоить работающих. Псы беспокойно лают в садах, сбитые с толку так страшно проходящей ночью, – уже полночь и роса легким холодком ложится на землю и давно бы пора спать продолжительным сном, как всегда это делалось.

Эти грандиозные сдвиги настойчиво подтверждают, как новое прет из всех углов, как национальные районы, по заветам Ленина, начинают все быстрее оживать и большевистскими темпами строят новую жизнь.

Только на четвертый день на горизонте стали появляться отдельные деревья, рощи, поселения уже почти не скрываются с горизонта. Проехали Туркестан, большую остановку перед Ташкентом. Наконец, въехали в Ташкентский оазис. С обеих сторон железнодорожной линии бегут хлопковые плантации с большими белыми охалками нежного хлопка, участки кукурузы, фруктовые сады, поселки.

Поезд медленно подошел к Ташкенту. Здесь нам нужно было пересесть на местный поезд, который только через 3 часа пойдет на Фергану. В ожидании поезда мы решили осмотреть этот политический и культурный центр Средней Азии. За недостатком времени пришлось воспользоваться автомобилем.

Скоро промелькнул европейский Ташкент, мало чем отличающийся от городов европейской части Советского союза. Но вот мы проехали какие-то ворота, настоящую границу двух городов, двух миров и двух культур, и въехали в так называемый «Старый город»; машина замедлила ход. Здесь уже резко чувствуется дыхание Востока.

Машина идет по лабиринту узких немощеных улиц, окаймленных серо-желтыми глинобитными стенами жилых помещений и заборов с маленькими отверстиями для прохода; окон на улицу нет; дома одноэтажные, обращены всеми выходами и окнами только во внутрь двора. Там внутри идет своя особая жизнь. Она течет так же тихо, спокойно, как протекала уже несколько веков. Там живут десятки тысяч людей, думают свою думу, и что там творится, – известно только тому, кто там живет. Еще сильны здесь законы корана, власть невежества, фанатизма и религиозного дурмана, так крепко держащие в своих цепких объятиях эти десятки тысяч людей. Однообразный, унылый вид кварталов нарушается только на перекрестках, где расположились «красные чайхана», привлекающие все новое, освободившееся от вековых пут старого, от паранджи, от тюрем-домов за глинобитными стенами. Здесь также немало народу. Громадная толпа зеленых, красных, полосатых разноцветных халатов, тубетейки и белые чалмы, – все это движется около чайхана, образует кружки пьющих кок-чай (зеленый чай) и разногласо гудит. Иногда новое еще резче бросается в глаза: кино, освещенное ярким электрическим светом, и осаждающая вход толпа; или по узкой улице под барабанный бой в красных галстуках с родной нам песней пройдет отряд пионеров, новое поколение возрождающегося народа.

Через 2 часа мы были снова в поезде.

Со станции Горчаково весь багаж экспедиции и самих участников на автомобилях перебросили в Фергану. По бокам дороги расстилаются поля с крупными розово-желтыми цветами хлопчатника; часть хлопка уже созрела. Шелковистое волокно, нежно-белое, рыхлое, как самая лучшая вата, вздувается из расколовшихся коробочек, и все поле покрыто белым пухом. Плантации хлопка ласкают взор. Но вот показалась Фергана, утопающая в зелени садов. Машина подходит к коммунхозовской гостинице, в которой мы и расположились в ожидании вестей с Памира от геологической группы.

Как только приехали, в тот же день мы вкусили прелести Ферганы, этого города-сада, в прошлом пышного центра Ферганской области и резиденции генерал-губернатора, а в настоящем – только районного центра Узбекской республики. В центре города расположен большой тенистый сад. Здесь же сосредоточены все правительственные, культурные и торговые организации. Целая серия магазинов Узбек-сельпрома, Узбекторга и ЦРКоопа расположилась на Главной улице, против сада. Тут же рядом с ними «Европейские» и «Азиатские» кафе-рестораны, киоски-рестораны, киоски мороженщиков, продающих мороженое на вес, а чуть дальше раскинулся большой базар. Кучи овощей, фруктов, дынь и арбузов. Ряды лавок с виноградом, персиками, винными ягодами и прочими прелестями, выросшими в ферганских садах. В другой части базара интенсивно работают чайханэ и ашайханэ.

В одной из таких чайханэ мы всей группой сели попить чаю. Нам подали один чайник и одну чашку-пиялу на пятерых. Я вздумал попросить к чаю сахару, – оказывается, что его не употребляют с зеленым чаем. По нашей просьбе нам дополнительно дали пиял. Крыленко заинтересовался, что узбеки кладут себе в рот в промежутках, когда ждут своей очереди пить кок-чай. Узбек, сидящий рядом, дал ему щепотку «чего-то» в роде нюхательного табака и показал, как его положить под язык и сосать. Но только успел Николай Васильевич повторить показанное, как под дружный смех узбеков начал отчаянно плевать и с трудом успокоился после нескольких пиял кок-чая, выпитых залпом.

По всему базару слышны свист и пение перепелов. Надо сказать, что эта птица, находится в большом уважении у узбеков.

В праздники у узбеков устраивается перепелиный бой; этот бой похож на петушиный бой.

Владельцы перепелов садятся друг против друга, берут птиц в руки и ставят их так, чтобы перепела смотрели в глаза один другому. Так часами смотрят перепела друг другу в глаза. Потом начинают выходить из себя и сильно сердиться. Хозяева, учтя этот момент, выпускают их, и начинается отчаянный, не на жизнь, а на смерть, бой, собирающий множество любителей посмотреть и подзадорить хозяев.

Вечером номера гостиницы, занятые нами, представляли собой склады с разбросанными различными вещами. Весь багаж был раскупорен, и шла примерка ботинок, кошек к ботинкам и проверка прочего экспедиционного снаряжения. Не успели мы разложиться, как в наш номер один за другим стали приходить ферганские люди, «обиженные и недовольные». Пришлось российскому прокурору-туристу развернуть большую общественную работу в пути. По принципиальным положениям пролетарского туризма плох тот турист, который не проводит общественно-полезной работы во время своего путешествия. Председатель Общества пролетарского туризма, он же прокурор республики выполнил этот лозунг на сто процентов. Им была проведена юридическая консультация по гражданским и другим вопросам, а поздно вечером мы были опять свободны. Приходилось только удивляться тому, как эти люди узнали о нашем приезде и о том, что приехал прокурор, а не агроном. Но дальнейшее путешествие подтвердило, что за несколько дней до нашего приезда в кишлаках, в аулах, в киргизских юртах о нас уже все было известно. Узнают же все новости здесь посредством «узун-кулак», что в переводе означает «длинное ухо» и равносильно нашим словам: молва, слухи.

На следующий день, рано утром, мы все были разбужены и созваны на внеочередное совещание. Приехал с Памира Николай Васильевич Латкин, член геологической группы нашей

экспедиции, оказавшийся весьма толковым и умным организатором и милейшим товарищем. Звали мы его в отличие от Николая Васильевича Крыленко «Николаем вторым».

Латкин привез плохие вести. Природа и люди сразу же опрокинули навзничь все построенные в Москве Крыленко лазоревые надежды на легкость совершения экспедиции и на легкость восхождения уже не только на пик Гармо, а хотя бы на пик Ленина. Оказалось, что обещанные и закупленные для нашей группы лошади были отосланы с отдельными геологическими группками для разведок золота по рекам Танымасу, Мук-Су, Саук-Саю и по другим местам. Восхождение на Гармо сразу же отпадало в виду того, что реки, которые лежали на пути экспедиции, оказались в этом году чрезвычайно многоводными от таяния снега в горах и путь к Гармо был прегражден одной из таких рек – Мук-Су, через которую переправиться не было ни малейшей возможности. Это Латкин подтвердил рассказом о гибели в волнах Мук-Су крупного ученого специалиста – глассиолога, исследователя горных ледников и вечного снега, Федора Федоровича Рогова. Гибель Ф.Ф. Рогова была большим ударом для экспедиции в целом и для вашей альпинистской группы в частности, так как он должен был совершать с нами ряд восхождений и произвести при этом ряд научных работ. Следующей новостью, заставившей нас несколько обеспокоиться, были сведения Латкина, а до него и местного военного командования о том, что путь экспедиции в горы далеко не безопасен и что на горных тропах и перевалах действуют шайки басмачей (разбойников), грабящих караваны путешественников, кооперативы и мирных жителей, и что о нашем прибытии в горах уже давно известно.

И, наконец, последнее сообщение Латкина окончательно разрушило все наши иллюзии о легкости продвижения. Оказалось, что сама геологическая группа работает в таких местах, которые далеко лежат от пути к пику Ленина, а вследствие этого осталось неисполненным, обещание об организации баз для восхождения. Топограф Герасимов, который должен был исследовать подступы к пику Гармо, не мог этого выполнить, так как его не пустила река Мук-Су, несмотря на несколько его отчаянных попыток форсировать реку. Продовольствие для нашей группы также не было заготовлено. Все это привело нас в некоторое замешательство, но скоро мы уже сидели над выработкой точного плана подготовки и организации продвижения и питания нашей группы. Было решено закупить в Фергане часть продуктов; Латкина оставить в городе для покупки лошадей, а самим на автомобиле, любезно предоставленном нам военным командованием Учкурганского лагеря, выехать в Учкурган, лежащий на нашем пути, в 30 км от Ферганы.

Ферганская долина в том месте, где расположился Учкурган, еще довольно широка, но уже впереди видны были горы, в которых узким ущельем кончается живописная долина. Река Исфайран-Сай течет здесь спокойно и по многочисленным каналам, арыкам распределяет свои воды по полям, садам и хлопковым плантациям узбеков дехкан. Отсюда к Фергане тянутся сплошные засеянные участки, иногда заботливо обнесенные глинобитными стенами. Больших трудов стоит дехканам оросить свои поля водой. Месяцами знойное солнце стоит над страной. Оно способно все выжечь дотла. Но там, где есть река, вода отводится арыками на поля – и буйная растительность сразу оживляет местность. Рождается оазис. Там, где есть вода растут деревья, можно сеять хлопок и возделывать фруктовые сады. В пышной зелени прячутся глиняные домики дехкан узбеков.

Таким местом оказался и Учкурган. Само селение тонет в фруктовых садах. Высоко над садами стоят пирамидальные серебристые тополи. Масса различных фруктовых деревьев; особое место среди них занимает абрикос. Узбеки разводят много различных сортов абрикосов, которые здесь успевают созревать два раза в год: ранние – в мае, поздние – в августе. Сбор абрикосов с каждого дерева иногда достигает 320 кг; из них впоследствии делается прекрасный урюк.

Журчит вода Файрана в арыках, бороздящих поля во всех направлениях; поля покрыты зеленой порослью с белыми хлопьями вызревающего хлопка. А за Учкурганом, в непосред-

ственной близости белеют сотни походных военных палаток, стоящих правильными рядами. Это – военный лагерь, обнесенный проволочными заграждениями. В нем оживление. Здесь чистота и порядок. Лагерь можно принять за прекрасный курорт. Он находится на высоте около 1000 м над уровнем моря. Горы окаймляют лагерь с трех сторон. Со стороны Ферганы расстилается цветущая долина. В лагере на широкой площадке имеется все, чем можно культурно занять досуг красноармейца. Здесь площадки для футбола, волейбола и теннисных игр. В густых садах расположены театр, столовая, клуб и красный уголок с шахматами, шашками, свежей литературой, газетами и журналами. Здесь же не遠деке расположен громадный бетонированный бассейн для купанья с всегда чистой и прозрачной и холодной, как лед, водой. Все эти достижения советской власти эта любовь к своей армии, которыми действительно можно похвалиться перед любой «цивилизованной» западноевропейской страной, невольно располагают к прекрасному настроению. Так относиться к армии может только страна диктатуры пролетариата, где армия является надежной опорой мирного строительства.

Снесшись с Ферганой по телефону и наказав Латкину и зоологу Шеллю, находившемуся еще там, выехать в Учкурган, мы интенсивно взялись за подготовку к выступлению. Командование лагерем предоставило для участников экспедиции хороших выносливых лошадей, на каждого по винтовке с сотней патронов и, на случай встречи с басмачами, дало нашей группе взвод кавалеристов, которым было дано задание проследить и очистить весь путь от басмачей.

Последний день пребывания в Учкургане, в этом прекрасном и последнем культурном пункте, мы провели за упаковкой снаряжения, за покупкой вместе с военными специалистами выючных лошадей, за покупкой и упаковкой продовольствия и других вещей экспедиции. Этот день использовали также для отправки писем в родные места, так как дальнейшая связь с культурным миром могла быть поддерживаема весьма случайно, только через специальных верховых посланцев.

Завтра – в горы.

«НА КРЫШЕ МИРА»

8 августа, уже под вечер, наш сильно вооруженный экспедиционный отряд покинул Учкурган.

К основной пятерке альпинистов здесь прибавилось еще 3: Николай Латкин, который прибыл с Памира для встречи с нами и исполнявший в дальнейшем роль «караван-баши» – он ведал навьючиванием и развьючиванием экспедиционного груза и был проводником всего каравана. Кроме него, здесь присоединился к нашей группе В.А. Шелль, прикомандированный для участия в экспедиции Зоомузеем Академии наук для собирания памирской фауны. Как специалист-препаратор он должен был заботиться о превращении животных в соответствующий для хранения вид. С легкой руки Крыленко зоолог Шелль в дальнейшем пути слыл у нас «химиком», а киргизы почему-то назвали его «доктором». Наконец, последним членом нашей группы был стрелок-пограничник Семен Надточий; он был сносным переводчиком так как мог немного говорить по-киргизски.

Если прибавить к этим 8 недурно вооруженным членам экспедиции еще десяток стрелков-кавалеристов, у которых, кроме постоянного кавалерийского вооружения – винтовки, шашки, почти у каждого на фуражке был пришнурован капсуль, а к седлу приторочены белые бутылочки-бомбы, – то получался весьма внушительный по размерам и сильный по вооружению отряд, которому опасаться басмачей, оперировавших на нашем пути, во всяком случае было нечего.

Отряд, разбившись в основном на три части: авангард-дозор, караван и арьергард, растянулся в пути почти на целый километр. Караван состоял из 7 тяжело навьюченных лошадей экспедиции. Здесь было упаковано все альпинистское снаряжение: палатки, спальные мешки, рюкзаки с личными вещами, ледорубы, аптечки, и поверх выюков торчали в разных направлениях остроотточенными концами до 20 пар альпинистских кошек; продовольствие занимало также значительную часть груза каравана. Тут было несколько десятков килограммов сухарей, печение, простой хлеб, крупа разных сортов, макароны, шоколад и сухие фрукты; все это в достаточном количестве; в бидонах – горючее: керосин со спиртом.

Мне, как одному из «солидных по весу людей», предоставили лошадь с крепкой большой грудью и весьма сильными ногами. Коноводы предупреждали, что «Варвар» (так звали лошадь) прекрасен и в «минуту жизни трудную» не выдаст.

Сразу же за лагерем случилась короткая заминка. Скатившийся на дорогу с ближайшей осыпи по склону горы камень испугал одну выючную лошадь. Она вырвала повод из рук красноармейца и, прижав уши, галопом понеслась в сторону. За ней ринулся на своей киргизской, «весьма дикой» по-нашему, лошаденке Латкин; этим воспользовались «мальцы», жаждавшие момента, когда можно было бы пришпорить лошадей; за «мальцами» – несколько красноармейцев, и мы все галопом помчались за выючной лошадей, которая в дикой скачке со сбившимся на бок выюком уносилась все дальше и дальше. Лошадь была поймана и вручена ее проводнику. Латкин при этом пострадал: его «растрепала» лошадь, и он свалился с нее, а лошадь со сбившимся на брюхо седлом стояла около него. Говорит, что не ушибся. Дальнейший путь шел уже спокойно.

Дорога идет то по одному, то по другому берегу реки Исфайрам-Сая, которая из спокойной широкой внизу становилась все бурливее и злей при продвижении вверх по течению. Вдоль обоих берегов расположены кишлаки с небольшими участками ячменя и кукурузы, фруктовыми садами и с такими же высокими тополями, что оставили мы в долине. Горы здесь сомкнулись тесней, ущелье стало уже. Навстречу попадают стада ишаков, иногда верблюдов, которых гонят в Фергану из Таджикистана за товаром. Маленькие ослики со столь же маленькими

седлами, часто семена своими ножками, обдают отряд тучами пыли и, скрывшись за поворотом, все еще дают о себе знать громким ревом и мелодичным звоном колокольчиков.

Мне пришлось ехать с 5 красноармейцами в дозоре. Ночь скоро спустилась в ущелья. Приятный белесоватый свет лунного диска и звезд как-то успокаивал, однако, при въезде в какой-нибудь кишлак все же настораживаешься: нет ли здесь басмачей, не устроили ли они засаду.

Поздно ночью сделали остановку в Карауле, расположенном в 24 км от Учкурмана. Это последний кишлак, находящийся в цветущих садах, среди полей кукурузы и квадратов роц пирамидальных тополей. Остановились в чай-ханэ, стоявшей как раз на дороге около реки. Выпили кок-чаю и, напоив лошадей, легли спать тут же, расстелив кошмы. На следующий день мы простились с цветущей Ферганской долиной, которая собственно кончилась в Учкурмане, но последние ее участки еще были в Карауле. Мы въехали в узкое ущелье отрогов Альпийского хребта. Шоссе, проводившее нас немного за Караул, кончилось. Дорога стала виться в пробитых человеком скалах и иногда так узка, что осторожно ступающая лошадь едва находила место для копыта.

Чем дальше в горы, тем более диким становился пейзаж. Некоторое время склоны зеленели альпийскими пастбищами, но вскоре только редкая арча на берегу Исфайран-Сая и песчаные осыпи встречали и провожали нас. Исфайран-Сай, принявший здесь слева реку Кичик-Алай (Малый Алай), с ревом мчит вниз, перебрасываясь через громадные камни и вновь превращаясь в ряд водопадов, клокочущих пеной и отливающих радугой водяной пыли. Ненадежные шаткие мостики, перекинутые через реку, с трудом выдерживают одну лошадь с седоком, при этом страшно раскачиваясь. Иногда река заставляет дорогу взбираться вверх и по склону обходить скалистые обрывы.

После полудня опять выехали в раздавшуюся долину и быстро достигли кишлака Лянгар, последнего населенного пункта перед перевалом. Приехав в Лянгар, привязав лошадей и отпустив у них подпруги, мы решили в ожидании каравана отдохнуть и умыться.

На ночь выставили усиленный караул и объявили отряд на военном положении, так как нас предупредили, что еще вчера басмачи орудовали на перевале и разграбили кооператив и что о нашем продвижении они знают отлично. Ночь была спокойная.

Красноармейцы, раньше участвовавшие в военных операциях по уничтожению басмачей, рассказали, как им приходилось, преодолевая трудности горных перевалов и многоводных рек, преследовать везде поспевающие и все знающие басмаческие шайки.

На следующий день, на третий по счету день нашего продвижения от Учкурмана, нам предстояло перевалить через Алайский хребет в Алайскую долину. Этот отрезок пути был особенно интересен. Нависшие над дорогой горы великанами уходят ввысь, дорога с трудом умещается на предоставленном ей месте. Часто лошадь, навьюченная снаряжением, останавливалась, ее проводили медленно, с большой опаской, что она не уместится с вьюком на тропинке и скатится вниз в Исфайран. Вскоре дорога завернула резко вправо и начался подъем на перевал. Тропинка чрезвычайно узка: может пройти только одна лошадь и то с трудом. На тропе масса больших и малых камней. Абсолютно некуда поставить ногу, копыта у лошадей сбились в кровь. Верховым лошадям было значительно легче, так как седоки с них слезли и шли за ними, держась за хвост, чтобы несколько облегчить свой подъем. Но вьючным лошадям приходилось трудновато. Иной раз вьюк застревал между камнями и лошадь, потеряв опору под ногами, беспомощно повисала, пока ее не освобождали проводники.

Ущелье, расширенное сверху и очень суженное снизу, спадает крутым уклоном вниз, куда с отчаянным ревом пробивается большой горный поток. Некоторые считают его началом Исфайран-Сая и называют именем перевала – Тенгиз-Баем. Берега и скалы покрыты арчей. Этот путь был наиболее опасным, так как из-за любой скалы маленькая кучка басмачей могла бы поодиночке перестрелять всех нас, с таким упорством лезущих вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.